

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

МОНГОЛЬСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории и археологии

**MINISTRY OF EDUCATION,
CULTURE, SCIENCE
AND SPORTS**

**МОНГОЛОВЕДЕНИЕ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:
РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Международный Круглый стол

10 июня 2019 г. Санкт-Петербург

**ПРОГРАММА
ТЕЗИСЫ**

Санкт-Петербург
2019

**ОРОСЫН ХОЛБООНЫ УЛСЫН
ШИНЖЛЭХ УХААНЫ АКАДЕМИ**
Дорно дахины гар бичмэлийн хүрээлэн

**МОНГОЛ УЛСЫН
ШИНЖЛЭХ УХААНЫ АКАДЕМИ**
Түүх археологийн хүрээлэн

MINISTRY OF EDUCATION,
CULTURE, SCIENCE
AND SPORTS

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ ДЭХ МОНГОЛ СУДЛАЛ:
ӨНГӨРСӨН БА ӨНӨӨ ҮЕ**

2019 оны 6 сарын 10

Санкт-Петербург хот

**ХӨТӨЛБӨР
ИЛТГЭЛИЙН ХУРААНГУЙ**

Санкт-Петербург
2019

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ *YEKE MONGYOL ULUS*

Вопрос о *yeke mongyol ulus* так или иначе затрагивается в большинство монголоведческих исследований, связанных с этногенезом, политогенезом и поисками национальной идентичности. И в исторической литературе, и, благодаря ей, в обыденном сознании, понятие «Великое Монгольское государство» настолько прочно закрепилось, что неясность его значения практически не осознается. Между тем этот перевод или интерпретация – порождение поздней историографической традиции; внутри оригинального текста «Сокровенного сказания» нет эксплицитного представления словосочетания *Yeke Mongyol ulus*.

Известно, что территорий, на которых монголы проживали до образования империи Чингис-хана, было две. Первая – та, откуда вышли группы, которые создали ранние кочевые объединения, впоследствии составившие ядро Монгольской империи; вторая территория – та, на которой, благодаря деятельности Чингиса и его предшественников, империя начала формироваться.

Монголы, обозначенные в китайской историографии одним и тем же именем мэнгу, соотносятся с землями, лежавшими и к северо-востоку, и к юго-западу от Цзинь. Северо-восточная территория имела самостоятельное значение и соседствовала с Кореей; Монголия же на юго-западе называлась *yeke*, то есть «великой», и связывалась с проживавшими там же татарами.

Представляет интерес проблема самоидентификации средневековых монголов, начиная с доимперского периода, когда отмечается факт их пребывания на двух территориях. Первоначальная территория расселения находилась по рекам Аргунь и Амур (*usutu mongyol* – «водные монголы»). Вторая территория — это Трехречье (Онон, Керулен, Тола); оно обозначалось, по мнению многих монголоведов, как «Великое Монгольское государство» (*Yeke Mongyol ulus*). На мой взгляд, этот перевод или интерпретация является порождением поздней историографической традиции. На самом деле его значение архетипично, имеет преимущественно пространственную семантику и не связано с завоеваниями Чингис-хана. Слово «великая» (*yeke*) указывает на территорию вторичной колонизации, неоднократное подтверждение чему мы имеем в мировой истории (Great Britain, Magna Grecia/ в Южной Италии, Ungaria Maior / Ungaria Magna на востоке, Great Russia).

Из района к югу от р. Аргунь ранние монголы мигрировали, как предполагают исследователи, во второй половине X в. – первой половине XI в. на территорию Трехречья, которая стала называться Великой Монголией. «Когда монголы (мэн жэнь) вторглись в государство Цзинь, [они] назвали себя великим монгольским государством (да мэн-гу го). Поэтому пограничные чиновники прозвали их Монголией (Мэн-гу)», – писал Ли Синьчуань. Действительно, в период с 1135 по 1147 годы между монголами и чжурчженями происходили многочисленные столкновения.

С большой долей уверенности можно утверждать, что период, в течение которого группы речных монголов, перекочевывавших с Аргуни-Амура в Трехречье, останавливались в степях, был продолжительным, и это отразилось в китайском тексте, изображающем их степняками-кочевниками. Движение большой группы людей с Амура в Трехречье не было мирным, земли, где приходилось останавливаться, брались с боем. Представляется, что именно эти стычки за территорию жизнеобеспечения, которые пришлось вести ранним монголам-мигрантам, китайской историографией были отождествлены с действиями всех монголов Хабул-хана и его преемников в Великой Монголии. Главное же заключается в том, что, несмотря на всю эту неразбериху с очередностью событий, а отчасти и с их сутью, в китайской историографической традиции – традиции, заметим, хорошо развитой – упорно говорится о двух территориях,

на которых проживали этнические группы с одинаковым именем – субъекты политической практики региона. И уже на старой территории термин «монгол» использовался, видимо, и как этноним (причем скорее всего обозначал и малую группу – род, и более крупную – племя), и как политоним. На территории вторичной колонизации, в Великой Монголии, этноним «монгол» «звучал», тогда как на территории первоначального проживания, где монголы или монголы-шивэй не столь активно участвовали в политических событиях того времени, он уже не был «звучным»; но все же не остался незамеченным.

Даже при условии полного совпадения иероглифического написания названий обеих групп (занимавших территории первичной и вторичной колонизации) нельзя говорить о совпадении состава этих групп. Речь может идти только об одинаковом обозначении лидирующей (правлящей) ее части, давшей имя и всему сообществу. Рассматриваемый период – время постоянного переструктурирования социально-политических объединений. Соответственно требовались столь же регулярное переосмысление и пересмотр границ своей общности; идентификация и самоидентификация становились целым рядом выборов; выбор же в рамках иерархии идентичностей делался по ситуации, – происходила своеобразная «смена одежд». Только понимание того, что идентификация – постоянный, непрекращающийся процесс, позволяет приблизиться к адекватной реконструкции событий.

По имеющимся в распоряжении исследователей материалам вряд ли возможно датировать с точностью до года появление *Yeke Mongol ulus* как обозначения определенной политики к юго-западу от северного Китая; зато можно с высокой степенью уверенности утверждать, что обозначение это как обозначение монголов отмечено для первой половины XII века в связи с монголо-чжурчженьскими стычками.

Таким образом, китайская историографическая традиция позволяет утверждать, что две Монголии существовали не только в представлениях, были не только «воображаемыми» сообществами, но и объектами реальной внешнеполитической практики Китая. По имеющимся в распоряжении исследователей материалам вряд ли возможно датировать с точностью до года появление *Yeke Mongol ulus* как обозначения определенной политики к юго-западу от северного Китая; зато можно с высокой степенью уверенности утверждать, что обозначение это, как обозначение монголов Трехречья, отмечено уже для первой половины XII века, задолго до рождения Чингис-хана.